только красоту, но и, как это принято на Востоке, воплощение нравственного и социального начал. В одной из своих политических статей «Деревянный конь Одиссея» («Odysseuksen puuhevonen», 1935) поэтесса писала: «Цветок — это тоже материя, и насколько он красивее, чем у некоторых так называемая душа» [33, с. 114].

Внешняя экзотичность, за которую Вала часто критиковали, была поэтессе чуждой. «Ее безразличие (к экзотике.— *Е. С.*) во время поездки 1928 г. (Ницца, Монте-Карло.— *Е. С.*) удивляет,— справедливо пишет К. Сааренхеймо.— Катри Вала рассеянно смотрит на цветочные террасы. Больше всего ей хочется отдыхать в тени гостиничных комнат» [5, с. 189].

Впрочем, цветы в поэзии Вала далеко не всегда прекрасны. Они могут символизировать абсолютное добро, жизнь, любовь:

...suuri kukanlehti putosi humisten maahan,
ja ihmiset lukivat siitä sanan RAKASTAA
(«Legenda») [31, s. 198]

(...большой лепесток коснулся земли, и люди прочитали на нем слово ЛЮБИТЬ — «Легенда»), но могут и символизировать абсолютное зло, смерть:

Janoinen käteni
on tavoittanut oudon kukan.
Ehkä Kharon heitti sen
kuolemanvirran yli.
Se on harmaa ja tuoksuton,
enkä tiedä sen nimeä.
Rakastettuni, sekö toi kirpeän huuman
juhlaamme elämänpuun alle?
(«Laulu rakastetulle») [31, s. 240]

(Моя жаждущая рука поймала странный цветок. Может быть, Харон его бросил через поток смерти. Он сер и без аромата, и я не знаю его названия. Любимый, неужели он принес острый угар на наш праздник, под дерево жизни? — „Песня любимому").

Образ цветка у Вала неоднозначен, но это земной образ. И именно с него начинается в поэзии Вала постижение красоты и горести земли, постижение сути жизни. Пройдя сложный путь этого постижения, поэтесса останется верной своему пантеистическому чувству и в пафосе общественной борьбы не забудет о природе: «Мы должны не отрицать природу, а облагораживать ее. Именно „идеалистическое" буржуазное мировоззрение ее отрицает. ⟨...⟩ Природу сделали уродливой. Именно преступление против мудрой природы стало причиной безумия общества» [34].

Поэтесса отождествляет себя со всем, что существует в природе: она во всем, и все в ней.

Minä olen suuren meren nauru («Aamulaulu») [31, s. 185].
(Я — смех великого моря — «Утренняя песня»).
Tahdon ⟨...⟩ lainata auringot silmikseni
(«Etsiminen» [31, s. 293]).
(Я хочу сделать солнца своими глазами — «Искания»).

Героиня чувствует себя водой оазиса в пустыне. Африканский ветер говорит ей:

Sinä olit ainoa lähde ⟨...⟩ («Samum») [31, s. 114].
(Ты была единственным источником ⟨...⟩ — «Самум»).

В сборнике «На причалах земли» Вала называет себя чашей, в которой есть и морская вода, и сок растений, и радость, и горе («Malja» — «Чаша»). В сборнике «Возвращение» она сокрушается, что не столь могуча, как море (стихотворение «Silta» — «Мост»). И вот в последней книге Вала позво-